

* Строка из того же стихотворения, что и название прошлой главы.

Юньци и Тоба Фэн на шаг опоздали. Чжу Ди попал в засаду у подножия горы Боянь, его фланг был полностью уничтожен, а центральные силы отрезаны от основных войск.

— Командует Цю Фу, — глядя на знамена, развевающиеся у подножия горы, Юньци вспомнил события Войны ради преодоления трудностей и нахмурился: — Во время битвы у Байхэгоу именно он рассредоточил силы для внезапной атаки на Ли Цзинлуна. Этот парень опрометчив и жаждет славы, как зять мог поставить его в авангард?

Юньци горестно вздохнул:

— Совсем не похожи на потомков Чингисхана. Противник превосходит их числом, но это же их территория. Лучше всего вести партизанскую войну в пустыне, как можно вступать в битву на окружение?

Тоба Фэн приложил руку козырьком к глазам, вглядываясь в горизонт, и увидел, как надвигаются чёрные тучи. Твёрдым голосом он произнёс:

— Погода меняется.

В полдень погода действительно резко переменилась. Мир между небом и землёй погрузился во тьму, боевые знамена яростно затрепетали на ветру. Войска Мин, укрывшиеся у горы Боянь, воспользовались бурей и отправили передовой отряд. Поднявшийся ветер резал, словно нож. Повсюду свирепствовали песчаные бури, и видимость значительно снизилась. С горы и из долины доносился оглушительный рёв битвы. Минские войска, захватив высоту, начали первую атаку вниз.

— Это же... — Юньци резко вдохнул и воскликнул: — Императорское знамя?!

Во главе передового отряда действительно развевалось знамя Чжу Ди с девятью драконами. В мгновение ока боевой дух минской армии взлетел до предела, и они разгромили войска Аргутая!

— Плохо! — крикнул Тоба Фэн. — Готовьтесь к подкреплению!

Они увидели, как Чжу Ди лично повёл десятки тысяч воинов караула Дояня в атаку на ряды татарской конницы. Монголы, очевидно, заранее подготовились к этому ходу и разделили силы на два направления. Одно окружило личную охрану Чжу Ди, а другое, не жалея жизней, блокировало следующие за ними войска, спускавшиеся с горы.

С небом и землей в качестве шахматной доски, в бескрайней пустыне бились насмерть сотни тысяч игровых фигур!

— Нет... — спину Юньци пробрал холод. Он видел, как границы личной охраны Чжу Ди неумолимо сужалась, а императорское знамя рухнуло на землю.

Юньци закричал во весь голос:

— Зять!

Чжу Ди не мог вырваться из окружения, и кольцо сжималось всё плотнее. Наконец, Юньци и Тоба Фэн повели тюркскую конницу в бой. Внезапно раздался оглушительный грохот ружейного залпа, и один за другим последовали выстрелы. Пушки минской армии выпустили первые снаряды в ряды татарских войск.

Количество убитых и раненых уже приближалось к десяти тысячам. Тоба Фэн отбросил ружьё, выхватил деревянный меч «Семь звезд» за спиной и, остановив коня на возвышенности, громко прокричал что-то на монгольском языке.

Татары в недоумении переглянулись, а воины караула Дояня ответили громогласным кличем. Оставив упавшее императорское знамя, они начали произвольно собираться вокруг Тоба Фэна.

Тоба Фэн объединил караул Дояня и снова повёл их в ожесточенную атаку, в то время как тюркская конница под командованием Юньци, стреляя на ходу, подобно острому клинку врезалась в ряды противника.

Ураган утих, и оставшиеся силы Северной Юань неуклонно таяли.

Юньци оттолкнул преграждавшего путь всадника, ворвался в центр поля боя и поднял большое знамя с девятью драконами, но не нашёл ни следа Чжу Ди, ни его личной гвардии. Тогда он высоко взмахнул императорским знаменем и яростно развернул его.

Тюркские всадники один за другим стали стягиваться к Юньци, образовав защитный круг, и непрерывно стреляли наружу. Не страшась смерти юаньские солдаты бросались на них толпами, но все были убиты на месте.

Тоба Фэн, сокрушая врагов, устремился вверх по склону и наконец прорвал второе кольцо окружения татар, соединившись с солдатами Мин.

К этому моменту силы многочисленного войска Аргутая иссякли. Армия дрогнула и обратилась в бегство, устремившись на северо-запад.

Тюрки и ханьцы стали упорядочивать войска, а Тоба Фэн развернул коня и поскакал к Юньци.

Они вдвоём обыскали тела павших воинов и нашли мёртвое тело в доспехах командующего.

Тоба Фэн с недоумением спросил:

— Кто это?

Юньци с облегчением вздохнул:

— Не знаю... почему он в одежде командующего? А где зять?

Юньци крикнул вдаль:

— Позовите Цю Фу!

Тоба Фэн насторожённо прикрыл Юньци собой, и лишь тогда оба осознали, что после поражения монгольской конницы тюркское племя осталось без поддержки, окружённое плотным кольцом солдат минской армии.

Юньци снял с большого пальца нефритовый перстень и протянул его одному из военачальников:

— Я шурин императора. Позовите Цю Фу. Государь... Я только что прибыл с севера, государь велел мне передать этот предмет генералу Цю Фу и запросить подкрепление.

Сердце Юньци бешено колотилось. Один неверный ход, и вся партия будет проиграна. Он лишь молился в душе, чтобы его догадка оказалась верной, иначе его снова схватят и увезут обратно.

И Юньци не ошибся. Чжу Ди действительно оторвался от основных сил.

Или, возможно, это было частью плана Чжу Ди. С тех пор как у подножия горы Боянь они попали в засаду, оставшиеся двадцать тысяч воинов караула Дояня рассеялись. Однако караул Дояня был хорошо обучен и, даже столкнувшись с внезапной атакой врага, ничуть не запаниковал, а сумел оказать Аргутаю отпор и нанести ему сокрушительное поражение.

Когда поднялась первая песчаная буря, Чжу Ди уже оторвался от основных сил и устремился в погоню далеко на север, отправив гонца с приказом войскам в тылу немедленно следовать за ним.

Однако гонец заблудился в песчаной буре, и к тому времени, когда погода прояснилась, авангард под командованием Цю Фу уже вывел на гору проводник. Подоспевший второй татарский племенной союз Аргутая зажал минские войска со всех сторон.

Выяснив, куда направился Чжу Ди, Тоба Фэн выстрелил в небо. Услышав грохот, тюрки собрались вокруг, и они вдвоём, раздвинув ряды минской армии, повели своих всадников на север.

Цю Фу издали крикнул:

— Шурин императора! Сколько солдат государь запросил прислать ему в качестве подкрепления? Вы ещё не сказали!

Юньци с улыбкой прокричал ему в ответ:

— Я тебя обманул! Я сам не знаю, где он!

Цю Фу чуть не свалился с лошади.

Юньци оглянулся и увидел, что караул Дояня в строгом порядке следует за тюркским отрядом, ни на шаг не отставая.

— Почему караул Дояня идет за нами? — удивился Юньци.

Тоба Фэн ответил:

— Доянь — мои бывшие подчинённые, поэтому они считают, что мы сможем найти его.

Юньци усмехнулся:

— Вы, люди из-за Великой стены, мыслите довольно просто.

Тоба Фэн, глядя вперёд, улыбнулся:

— А разве тюрки не такие же? Они понятия не имеют, зачем мы здесь, но всю дорогу следуют за нами.

Тюркская конница после целого дня форсированного марша была измотана. И люди, и кони едва держались на ногах, но всё равно из последних сил продолжали следовать за Тоба Фэном на север, в сторону пустыни, не выказывая ни малейшего недовольства.

Два всадника, Тоба Фэн и Сюй Юньци, ехали бок о бок, а за ними плелась сотня тюркских конников и десять с лишним тысяч воинов караула Дояня. Жёлтый песок простирался до самого горизонта. Копыта коней, словно дикие гуси, поднимали облака пыли, вычерчивая на просторах пустыни длинные следы, похожие на мазки яркого пейзажа.

Река Онон была последней линией обороны Золотой орды.

Именно здесь двести лет назад Темучин объединил все монгольские племена. Угэдэй, Толуй, искусный лучник Джучи, Джебе и другие последовали за ним в западный поход на европейский континент и покорили Центральную равнину на востоке, основав Монгольскую империю, простиравшуюся через всю Евразию.

Теперь его потомок, Буньяшри, отступил к берегам реки Онон и разделил с Аргутаем-гоши войска на две группы. Одна из них окружила основные силы армии Мин, а другая непрерывно заманивала противника вглубь, чтобы изолировать императорскую конницу Чжу Ди.

Татары твёрдо верили, что духи Чингисхана и героев-основателей, пребывающие на небесах у реки Онон, наблюдают за этой битвой, и в этот раз они не потерпят поражения.

Чжу Ди явно просчитался, переоценив свои силы. Войска караула Дояня и татарская конница были равны по численности, однако после почти целого дня погони, уставшие от долгой скачки, они при первой же схватке были наголову разбиты.

Подряд пронеслись две песчаные бури, но воины караула Дояня, покрытые пылью, отчаянно сражались с личной охраной Буньяшри. Битва длилась с рассвета до заката, и кроваво-красное заходящее солнце окрасило всю реку Онон.

Наконец подошло подкрепление.

Тоба Фэн во главе оставшихся десяти тысяч всадников караула Дояня ворвался на поле боя и разбил монгольскую конницу в пух и прах. Юаньцы бежали вдоль реки, бросая доспехи и оружие.

У берега гремели звуки выстрелов Юньци, боевые кличи сотрясали небо и землю. По реке Онон плыли трупы.

Чжу Ди, высоко подняв длинный меч, заорал:

— Вы как раз вовремя! Вперёд! — А затем, полностью измотанный, свалился с лошади.

Тоба Фэн оставил тюркскую конницу охранять место, а сам повел армию в погоню, скрывшись в вечерних сумерках.

Чжу Ди, тяжело дыша, лежал на песчаной отмели. Он уже не был так молод и силён, как в прежние годы, и этот поход, истощивший его и физически, и морально, отнял у него слишком много сил.

Его зрачки, устремлённые в лазурное небо, то расширились, то сужались. Грудь тяжело вздымалась, а сознание постепенно затуманивалось.

Вокруг тюркские всадники рассредоточились, образовав круг, и спешили, чтобы отдохнуть.

Чжу Ди с трудом повернул голову и понял, что окружающие его воины — не ханьцы и не солдаты из караула Дояня.

Он произнёс фразу на монгольском, но ответа не последовало. Тогда Чжу Ди сказал что-то ещё, и несколько тюрков гневно закричали.

— Что он сказал? — Юньци, сидя у реки спиной к Чжу Ди, лежащему вдали, спросил у Фан Юя, которого снял с лошади всадник.

Фан Юй ответил:

— Он сказал: «Я — император Великой Мин, дайте мне воды».

Юньци, усмехнувшись, взял бурдюк, наполнил его водой из реки Онон и вручил Фан Юю. Затем он достал из-за пазухи вещь и дал мальчику несколько указаний.

Фан Юй, держа в руках тот бурдюк с водой, направился к Чжу Ди, лежащему в центре пустыни.

Доспехи Чжу Ди были почти полностью изогнуты и запятнаны кровью. В его взгляде читалась невыразимая усталость и радость, а на лице осела пыль.

Он постарел.

— Государь, — звонким голосом с улыбкой произнёс Фан Юй.

Мальчик открыл крышку бурдюка, поднёс его к губам Чжу Ди и дал ему сделать несколько глотков. Мужчина сильно закашлялся и вытер мокрое лицо.

Затем Фан Юй достал маленький тканевый мешочек с амброй, которая досталась Юньци от персидского купца. Он аккуратно раскрошил ее и скормил Чжу Ди.

Амбра, попав в рот, прояснила сознание. Чжу Ди с облегчением вздохнул, резко поднялся и сел на песок, с улыбкой спросив:

— Как здесь оказался ханец?

Фан Юй с улыбкой спросил:

— Вы император Великой Мин? — С этими словами он почтительно опустился перед Чжу Ди на колени, поклонившись, и эта его поза выглядела весьма образцово. Он воскликнул: — Да здравствует император!

Чжу Ди почувствовал невероятное облегчение и с серьёзным видом произнёс:

— Дорогой сановник! Поднимайся!

Затем он небрежно притянул Фан Юя к себе, потёр ему лоб и в шутку спросил:

— Из какого ты племени? Когда чжэнь вернется, то обязательно наградит тебя!

Фан Юй посмотрел вдаль на Юньци. Он колебался, не зная, стоит ли говорить. Чжу Ди последовал за его взглядом и увидел лишь спину Юньци.

Тот был одет как тюрк. Чжу Ди некоторое время смотрел на него, но узнать не смог. Он почувствовал лишь лёгкое ощущение сходства. Затем, внимательнее разглядев Фан Юя, он смутно уловил в нём черты своего старого друга.

— Как тебя зовут?

Фан Юй с улыбкой ответил:

— Фамилия Фан, имя Юй.

Чжу Ди сказал:

— Твой отец — Фан Сяожу.

Фан Юй со смехом подтвердил:

— Отец учил меня быть преданным государю и любить родину, поэтому я принёс вам воды.

В тот миг облака рассеялись, и ветер стих. Сумерки перевалили через горный хребет, и солнечные лучи упали на берег реки Онон. Водяной поток уносил с собой вдаль искорки золота, словно длинная река воспоминаний, смывая прошлое Чжу Ди.

Тоба Фэн вернулся с войском и небрежно бросил верительную бирку, которая со звоном упала

перед Чжу Ди. Затем, пришпорив коня, он медленно направился к реке.

Солдаты караула Дояня сами присоединились к Чжу Ди, а тюрки отошли к Юньци и Тоба Фэну.

— Вдоволь навоевался? — беспечно усмехнулся Юньци.

Тоба Фэн хмыкнул:

— Мы отогнали Буньяшри обратно к ойратам*, так что можно известить наших соплеменников, чтобы возвращались к реке Керулен.

* Ойраты — группа близкородственных монгольских народностей, основными современными центрами расселения которых стали Республика Калмыкия, Монголия (западные аймаки) и Китай (Синьцзян Уйгурский автономный район и провинция Цинхай).

Все понимали, что оставаться здесь надолго нельзя. Через мгновение воины караула Дояня уже подвели лошадь. Чжу Ди сел в седло и сказал:

— Фан Юй...

Фан Юй с улыбкой ответил:

— Дядя Юнь велел мне стать вашим проводником и довести вас до озера Буир-Нуур.

Чжу Ди кивнул и позволил Фан Юю сесть на лошадь перед собой. Взмахнув кнутом, он с улыбкой сказал:

— Ладно, сейчас чжэнь покажет тебе свои владения.

Тюрки напоили коней, отдохнули и один за другим сели в седла. Следуя за караулом Дояня, они снова двинулись в путь.

Юньци и Тоба Фэн не спеша ехали на одном коне за личной гвардией Чжу Ди, но не обменивались с ним ни единым словом.

Чжу Ди отправил передовой отряд передавать сообщения по пути, но намеренно немного отстал, оказавшись на расстоянии менее пятидесяти шагов от тюркской конницы. Погладив Фан Юя по голове, Чжу Ди вдруг заговорил:

— Когда твой дядя Юнь был маленьким, я отправил его в Интяньфу служить во дворце. Он тоже сидел передо мной, пока я вез его на лошади.

Фан Юй с любопытством спросил:

— Дядя Юнь?

Чжу Ди с грустью вздохнул:

— Он тогда был ещё младше тебя, всего три года от роду. Трудно поверить, что прошло уже более двадцати лет. Зять постарел.

Их разговор отчётливо доносился издалека. Юньци, прислонившись к молодой, крепкой груди Тоба Фэна и чувствуя его сильное сердцебиение, невольно вздохнул:

— Он и правда постарел.

Тоба Фэн спокойно ответил:

— И хорошо, что постарел. Теперь тебя на лошади буду возить я.

Юньци рассмеялся, давно привыкнув к такому нелогичному ходу мыслей Тоба Фэна. С лёгкой улыбкой он окликнул:

— Фан Юй! Спроси у государя, мы же не к озеру Буир-Нуур идём? Так куда же он направляется? Смотри, как бы с наступлением темноты не заблудиться и не угодить в лапы волкам!

Раздался звонкий голосок Фан Юя:

— А мы куда идём?

Чжу Ди ответил:

— Не к озеру Буир-Нуур. Чжэнь подумал, может, заглянуть к тебе в гости? Устал воевать, можно выпить у тебя чашечку чая?

Фан Юй запнулся, а Юньци уже со смехом крикнул:

— Фан Юй, передай государю! Шурин императора уже сжег весь его провиант и фураж в тылу, а охранявшие их войска разбиты. У реки Керулен теперь лишь голая трава, так что пусть не тратит силы понапрасну!

Фан Юй залился смехом, а Чжу Ди разгневанно воскликнул:

— Безобразие!

Чжу Ди задумался, а потом вдруг усмехнулся:

— Шурин императора с детства любил безобразничать. Раз в четыре года приезжал навестить родных в княжескую резиденцию, и каждый раз там поднимался переполох. Увы, не обошлось и на этот раз.

Чжу Ди изменил приказ, и вся армия развернулась, направляясь к горе Боянь.

Чжу Ди долго размышлял. Снова вздохнув, он крепче обнял Фан Юя, словно погрузившись в собственные воспоминания.

Фан Юй с любопытством спросил:

— О чём думает государь?

Чжу Ди ответил:

— Государь ошибся, государь думает... что хотел бы навестить родных, но теперь это невозможно.

Затем Чжу Ди пробормотал:

— Чжэнь думает о тебе и каждый день думает о твоей старшей сестре.

Фан Юй, не поняв смысла, снова спросил:

— О моей старшей сестре?

Глаза Юньци тут же покраснели.

Тоба Фэн отпустил поводья, передав их Юньци, и достал из-за пазухи поперечную флейту. Ее звуки разнеслись между небом и землёй. Над пустыней одиноко висела луна, ясная и спокойная. Не поднимая пыли, разыгрался ветер. Воины караула Дояня, казалось, почувствовали тоску по покинутой родине и все вместе подняли головы, глядя на полную луну на востоке.

Протяжные переливы флейты складывались в мелодию «Разлука со старым другом». В сердце Юньци нахлынула буря эмоций, и его охватила глубокая тоска. Лишь когда звуки флейты постепенно затихли, он наконец произнёс:

— В другой раз. Фан Юй, скажи государю...

— ...что когда-нибудь потом, когда у него будет мало людей, я с радостью приму его у себя дома и угощу чаем.

Чжу Ди на мгновение задумался и с улыбкой предложил Фан Юю:

— Дорогой сановник, может, чжэню написать для тебя один документ, чтобы ты забрал его с собой?

Фан Юй спросил:

— Документ?

Чжу Ди с улыбкой подтвердил:

— Да.

С этими словами он достал из-за пазухи лист пергамента, и стоящий рядом телохранитель подал ему брусок туши. Чжу Ди снял шлем и подложил под пергамент его ровную сторону. Он обнял Фан Юя, наклонился и при лунном свете начал что-то писать, сидя верхом на лошади.

Фан Юй в объятиях Чжу Ди чувствовал себя довольно неловко и захихикал:

— Что вы пишете? «Чжэнь клянётся своей жизнью, что войска Великой Мин во веки веков не ступят... на берега реки Керулен»?

Чжу Ди прижался щекой к щеке Фан Юя, поцеловал его в ухо и рассмеялся:

— Ты уже в таком возрасте умеешь читать? Учился?

Фан Юй ответил:

— Учился! Дядя Юнь и моя жена вместе научили меня читать...

Чжу Ди с удивлением воскликнул:

— О, у тебя и жена уже есть.

Фан Юй снова рассмеялся:

— А у государя ужасный почерк.

— Угу, — серьёзно кивнул Чжу Ди. Он подписался, поставив отпечаток пальца, а затем добавил: — В детстве чжэнь читал мало книг, просто разбойничал. А потом императрица Сюй заставила чжэня учиться, вот он и освоил немного иероглифов.

Фан Юй сказал:

— Я знаю, императрица — старшая сестра дяди Юня!

Чжу Ди со вздохом произнёс:

— Тебе нужно хорошо учиться. Твой отец — семя образования Поднебесной, понимаешь?

С этими словами он погладил Фан Юя по голове, аккуратно сложил тот лист пергамента и сунул ему за пазуху.

Чжу Ди сказал:

— Фан Юй, спроси у своего дяди Юня, ничего, если назначить на должность командира Цзиньивэй Ту Мина?

Фан Юй ещё не успел заговорить, как Юньци уже ответил:

— Фан Юй, передай государю, что ни Ту Мин, ни Сунь Тао не годятся на этот пост. Подойдёт новобранец Цзи Ган. Если он не хочет, чтобы Восточная сыскная служба усиливала своё влияние, нужно назначить его.

Чжу Ди заговорил снова:

— Фан Юй, спроси ещё у своего дяди Юня, императрица Сюй, по правилам, будучи дочерью от наложницы, не должна быть погребена в родовой усыпальнице Чжунли...

Юньци ответил:

— При жизни она была человеком государя, а после смерти — его призраком. Пусть ее

похоронят в Пекине, так будет ближе навещать ее в Цинмин.

Чжу Ди тяжело вздохнул:

— Спасибо.

Долго обдумывая, Чжу Ди наконец спросил:

— Фан Юй, спроси ещё, хромой толстяк или красивый задира... кто из них больше подходит?

Юньци громко произнёс:

— Этот слуга не смеет вмешиваться в дела императорской семьи.

Чжу Ди спокойно сказал:

— Фан Юй, он и так уже давно член семьи чжэня, а оба парня — его родные племянники. Скажи, разве не смешно, что он так говорит?

Фан Юй, совершенно сбитый с толку, спросил:

— Что?

Юньци холодно усмехнулся:

— Фан Юй, ради чего твой отец боролся всю жизнь, да так, что даже десять поколений его рода...? Разве не ради того, чтобы право наследования доставалось старшему сыну главной жены!? Так почему же государь снова в замешательстве?

Фан Юй поспешно воскликнул:

— Я знаю! С древних времён правители назначали наследником старшего сына главной жены! Иначе имя не правильное, а речь не убедительна. А если речь неубедительна, то никаких дел не свершить...

Чжу Ди слегка изменился в лице. Он ответил:

— Я понял.

За время пути луна успела подняться высоко в небе. В пустыне Гоби войска Мин, ожидавшие возвращения Чжу Ди, услышав колокольный звон, громко заливовали, и генералы поспешно повели армию навстречу.

Караул Дояня наконец соединился с основными силами.

Чжу Ди остановил коня в пустыне, словно желая что-то ещё сказать.

Но его опередил Юньци:

— Фан Юй, достань железную грамоту и верни ее государю!

Фан Юй протянул руку за пазуху, но Чжу Ди остановил его. Через мгновение мужчина наклонился, закрыл глаза и нежно поцеловал Фан Юя в губы.

Мальчик залился краской и воскликнул:

— Фу! Я уже занят!

Чжу Ди с улыбкой сказал:

— Чжэнь знает, что в твоём сердце уже есть другой человек. Но чувства чжэня оставь себе на память.

Затем он спустил Фан Юя с лошади, взмахнул кнутом и крикнул:

— Пошел!

Караул Дояня влился в основные силы минской армии. Всему войску отдали приказ, и двести тысяч солдат мощным потоком двинулись в путь, повернув к восточной части Великой стены, чтобы обходным путём войти через заставу Цзяюйгуань.

Юньци и Тоба Фэн вернулись в оазис у реки Керулен, который официально обозначили родиной тюрков.

Юньци раскрыл пергамент, написанный Чжу Ди, и оказалось, это был вечный договор. Более того, Чжу Ди вместо императорской нефритовой печати оставил на месте подписи окровавленный отпечаток пальца.

В периоды правления Юнлэ, Сюаньдэ, Ваньли, Цзяцзин и даже Чунчжэнь войска Мин больше не вторгались на территории к северу от реки Керулен. И лишь когда во времена

маньчжурской династии Цин Ли Цзычэн поднял восстание и цинские войска вошли через заставы на Центральную равнину, тюрки снова начали великое переселение.

Весна прошла, и настало лето. По берегам реки буйно зеленела трава, повсюду паслись стада овец и коров. Изумрудные луга колыхались под летним ветерком, словно беспокойное море.

Блеющие отары овец, точно рассыпавшиеся жемчужины, брели вдаль. Юньци вдохнул свежего воздуха, взял в рот травинку и улёгся на стог сена.

Тоба Фэн сидел с книгой в руках, тоже прислонившись к стогу сена. Он покачивал головой, читая вслух:

— В тот год Дун Чжо* потерпел поражение и погиб... Ли... как читается этот иероглиф?

* Дун Чжо (東周) — влиятельный полководец эпохи Троецарствия.

— Не можешь прочитать иероглиф даже размером с корзину*, — усмехнулся Юньци.

* Досл. «не можешь прочитать иероглиф даже размером с корзину» (連籬大小) — обр. быть полным неучем.

Тоба Фэн, запрокинув голову, протяжно завыл, а затем с серьёзным видом заявил:

— Вожак стаи неграмотен, но зато может прокормить свою жену.

Юньци рассмеялся:

— Когда отправимся за заставу? Купить госпоже Фан румян, пудру и прочее, заодно прихватить и сладостей.

Тоба Фэн фыркнул:

— Говорят, что пес-император составил «Энциклопедию Юнлэ*», и нынче на Центральной равнине царит такое изобилие, что все только и твердят «процветание эпохи Юнлэ». Что, сердце защемило? Хочешь вернуться в Пекин и снова служить в Цзиньивэй?

* Энциклопедия годов правления Юнлэ (元曆) — самая большая неэлектронная энциклопедия в истории человечества. Создана по приказу императора Юнлэ в 1403—1408 годах, включала содержание всех книг, имевшихся в императорской библиотеке, включая канонические, исторические, философские, художественные произведения. Единственный оригинал был утерян, вероятно, сгорел в пожаре в Запретном городе в конце династии Мин.

Юньци с улыбкой ответил:

— Да что хорошего в Цзиньивэй? Трём императорам служил, и не было ни одного спокойного дня.

Тоба Фэн, неуклюже вскарабкавшись на стог сена, провозгласил:

— А я тюркский император. Ну-ка, послужи своему ши-гэ.

Юньци рассмеялся:

— Вот уж действительно пес-император. Хвост уже давно наружу высунул, и всё виляет!

— Эй-эй, полегче! Не дёргай! Смотри, одежду порвёшь!

— Ши-гэ, какой же ты император? А? Ты царек, у которого есть собственное пастбище, сотня овец, стог сена, два ружья да жена.

Однако, на мой взгляд, этот маленький мирок, в сравнении с процветающей страной зятя, обладает своей особой прелестью.

Желтые пески бескрайних земель за Великой стеной, простирающиеся на тысячи ли, однажды станут последним пристанищем для наших состарившихся тел.

А в долгом течении времени, в безбрежной реке истории, нам и вовсе не сыскать уголка.

— Но мне почему-то кажется, что ты ведёшь себя даже наглее, чем Чингисхан!

— Да, хорошо сказано! Ши-гэ тебя любит!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326112>